

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С50

Betty Smith

JOY IN THE MORNING

Copyright © 1963 by Betty Smith. All Rights Reserved

Фотография на обложке: © George Marks / Gettyimages.ru

Перевод с английского *Елены Фрадкиной*

Художественное оформление *Елены Окольциной*

Смит, Бетти.

С50 А наутро радость / Бетти Смит ; [перевод с английского
Е. З. Фрадкиной]. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-109665-6

Бруклин 1927 года. Анни и Карл так молоды и влюблены. Все против их брака: родители, друзья, даже декан факультета, где учится Карл. Брак может сломать жизнь, любовь еще никому не приносила пользы — вот что твердят кругом. Но разве это может быть правдой, когда люди искренне любят друг друга? Когда они молоды, когда у них есть мечты? Анни и Карл полны решимости преодолеть все трудности, лишения, бедность, только чтобы быть вместе. Или же они в силах все это преодолеть именно потому, что они вместе?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Фрадкина Е., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-109665-6

...вечером водворяется плач,
а наутро радость.

Псалом 29:6

1

Это была старомодная ратуша в продвинутом университетском городке на Среднем Западе. Коридор был длинным и узким. Вдоль стен были расставлены скамьи, и возле каждой стояла медная плевательница.

Был 1927 год, и мало кто жевал табак. Однако ни у кого не было полномочий, чтобы избавиться от плевательниц. Каждое утро уборщик начищал их и наливал в каждую с полдюйма свежей воды — как делали до него уборщики последние пятьдесят лет.

На одной из скамей сидели юноша по имени Карл и девушка по имени Анни. Рядом с девушкой стоял маленький красный чемодан, совсем новенький. Время от времени она с видом собственности похлопывала по нему. Юноша курил сигареты, зажигая одну от другой, из-за чего казалось, будто он нервничает. Однако это было не так.

Хотя его звали Карл Браун, свою жизнь юноша начал как Карлтон Браун. Отец дал ему имя в честь своего босса. Мистер Браун работал у мистера Карлтона с двенадцати лет. Работа была тяжелой, рабочий день долгим, зарплата низкой, и прибавки к ней были редкостью.

Каждый раз, как мистер Браун просил у босса прибавки, мистер Карлтон обнимал его за плечи и мягко говорил: «Не беспокойся, сынок». Когда он, мистер Карлтон, скончается, вон в том сейфе будет несколько облигаций на имя Уильяма Брауна.

Так что, когда родился малыш, его называли Карлтоном — дабы босс не забыл про облигации. Когда мальчику бы-

ло шесть лет, мистер Карлтон умер. Сейф открыли, но там не было никаких облигаций для Уильяма Брауна, «сынка». Разочарованный отец сократил имя мальчика, и получилось «Карл».

Во время войны люди носились по улицам с криками «Долой кайзера!» и перешли с кислой капусты на вареную. Мистер Браун законным путем сменил свою фамилию. Она звучала по-прежнему, но теперь писалась как *Brown*, а не *Braun*¹. Хотя мистер Браун и родился в Германии, ему хотелось, чтобы никто не сомневался, на чьей он стороне.

Вот каким образом появилось имя Карл Браун.

С именем девушки, Анни Макгэйри, не было никаких осложнений. Ее назвали Анни в честь ее бабушки со стороны матери (бабушка родилась в Германии). А фамилию Макгэйри она, разумеется, унаследовала от отца, родившегося в Дублине.

Карл был красивым юношей: высокий блондин с мужественной внешностью, из-за которой он казался старше своих двадцати лет. Его одежда была дешевой, но он носил ее с такой небрежной элегантностью, что казалось, будто он дорого одет. Словом, это был привлекательный молодой человек, которого нельзя было не заметить.

Анни было восемнадцать, но она выглядела четырнадцатилетней девочкой, которая одолжила на один день одежду у своей старшей сестры. Маленькая и худенькая, Анни была хорошо сложена. Свои красивые светло-каштановые волосы она укладывала узлом на затылке. У нее была гладкая, чистая кожа, подвижный рот и печальные серые глаза. Никто не обращал особого внимания на эту девушку, пока она не начинала говорить. А уж тогда ее было невозможно не заметить.

Они сидели на скамье, прижавшись друг к другу и держась за руки, и ждали, когда их распишут. Время от времени раз-

¹ *Braun* — по-немецки, *Brown* — по-английски. (Здесь и далее примечания переводчика.)

давалось шипение: это Карл бросал недокуренную сигарету в плевательницу. И каждый раз Анни стискивала его руку и спрашивала: «Нервничаешь?» А он каждый раз стискивал ее руку и отвечал: «Нет. А ты?» Она каждый раз говорила: «Немного». И тогда они крепко сжимали руки друг другу.

К ним подошла служащая, и Карл начал подниматься.

— Не вставайте, — приветливо произнесла женщина.

— Нам еще долго ждать? — осведомился Карл, взглянув на часы. — Мы не хотим пропустить игру.

— Судья Калеймус обычно не приходит по субботам, — ответила служащая. — Но в вашем случае он сделает исключение. Мы позвонили ему домой, и он будет через несколько минут.

— Хорошо!

— А у вас есть разрешение на брак? — Карл начал доставать его из внутреннего кармана пальто. — О, оно мне не нужно. Просто проверяю, — сказала она. — Откуда вы приехали?

— Из Бруклина, — сказал Карл.

— Оба?

Карл кивнул.

— Но я здесь уже год.

— Он учится в университете, — с гордостью сообщила Анни.

— На медицинском факультете? — поинтересовалась служащая.

— На юридическом, — ответил он.

— Это хорошо, — с рассеянным видом сказала она и повернулась к Анни: — А как давно здесь вы?

— Два часа, — сказала Анни.

— Она прибыла ночным поездом из Нью-Йорка, — пояснил Карл.

— Тогда Средний Запад должен показаться вам странным, — обратилась женщина к Анни.

— О нет. Я имею о нем некоторое представление. Читала книги, в которых действие происходит тут. Например, «Уайн-

сбург, Огайо», «Главная улица» и «Сестра Кэрри»¹. По-моему, Средний Запад не особенно отличается от того места, где я жила. Вообще-то действие «Сестры Кэрри» вполне могло происходить не в Чикаго, а в Бруклине.

Карл предостерегающе сжал ее руку, и она замолчала. Анни заметила, что служащая как-то странно на нее поглядывает.

— О! Ах да... — смущенно произнесла женщина, направляясь в офис. Она бросила через плечо: — Знаете, судья будет ожидать самую малость за хлопоты.

— Я понимаю, — сказал Карл.

— Карл, я что-то не так сделала? — тревожно спросила Анни.

— Нет, любимая.

— Тогда почему ты сделал мне знак, чтобы я замолчала?

— Мне не хотелось, чтобы она тут болталась.

Он не хотел говорить Анни, что служащую удивило ее произношение. У самого Карла был легкий бруклинский акцент, а у Анни сильный, да вдобавок еще с ирландским выговором.

— Ну, она тоже смешно говорит, — вдруг заметила Анни.

У Анни была какая-то сверхъестественная способность порой читать мысли Карла, и ему становилось от этого не по себе.

— О, ты привыкнешь к тому, как они говорят, — сказал он. — Так же, как они привыкнут к тому, как говоришь ты — я имею в виду, *мы*.

— Я знаю, что иногда неправильно говорю, но я научусь, Карл. Вот увидишь. Я очень быстро учусь.

— *Быстро*, — автоматически поправил он.

Она хотела сказать: «Не стесняйся меня», но вместо этого сказала:

¹ «Уайнсбург, Огайо» (1919) — сборник рассказов американского писателя Шервуда Андерсона (1876–1941). «Главная улица» (1920) — роман американского писателя Синклера Льюиса (1885–1951). «Сестра Кэрри» (1900) — роман американского писателя Теодора Драйзера (1871–1945).

— Не беспокойся обо мне.

— Беспокоиться? Никогда! Ты же умная, Анни. Ты даже не знаешь, какая ты умная.

— Нет, Карл. Ведь я ходила в школу только до восьмого класса.

— Но ты такая же умная, как большинство выпускников колледжа.

— Ты просто так говоришь.

— Нет, любимая. Я действительно так думаю.

— Я научусь, Карл. Вот увидишь.

— Только не учись слишком много. Я не хочу, чтобы моя жена стала важной птицей.

— Нет, я не тщеславна. Но мне, конечно, хочется знать достаточно, чтобы тебе не пришлось за меня краснеть, когда ты станешь известным адвокатом, а может быть, и губернатором.

— А почему не президентом? — спросил он шутливым тоном. — Мне кажется, ты не очень-то в меня веришь.

— Ты же знаешь, Карл, что я имею в виду.

— Знаю, дорогая. Но я люблю тебя такой, какая ты есть. — Он поцеловал Анни в щеку.

— Из-за этого ожидания я начинаю дергаться. Который час на твоих? — спросила она.

— Десять минут двенадцатого. Черт возьми, матч начинается в час тридцать. А мне еще нужно избавиться от твоего чемодана, и мы должны сходить в кафе на ланч, и...

— И я ни за что не хочу пропустить игру, — сказала она. — Я никогда не видела футбольный матч, и мне так хочется. — Анни дотронулась до желтой хризантемы с бантом цветов университета. Карл приколот ее к пальто Анни, когда она вышла из поезда. Она высоко подняла маленький синий флажок, который он вложил ей в руку на перроне. Помахав этим флажком, она прошептала: «Ура! Ура! Ура!»

Пришла служащая и, сообщив, что прибыл судья, попросила их следовать за собой. «И возьмите чемодан, — добавила она. — Не то чтобы кто-нибудь действительно мог его

украсть, но никогда не знаешь. Из-за этой игры в городе так много чужих».

На двери было имя: «Уиллис Дж. Калеймус». Под ним значилось: «Мировой судья», а внизу в углу: «Нотариус». Карл сделал язвительное замечание насчет нотариуса, называющего себя судьей. Анни зашикала на него: тише, он может слышать.

Казалось, огромный живот судьи занимает все пространство маленького офиса. Анни ожидала, что он будет в мантии, как судьи в кинофильмах. Но на нем были свободные брюки, чистая, но небрежно выглаженная рубашка и пальто из альпака с незастегнутыми пуговицами. Пальто лезло вверх на спине и обвисало спереди, как будто карманы были набиты железными опилками.

Судья послал служащую за некоей мисс Ви — второй свидетельницей. Он взял у Карла разрешение на брак и ушел за конторку изучать. Сначала он принялся хлопать по карманам, глядя в пространство — так он искал очки. В конце концов он нашел их в кармане рубашки. Судья не спеша водрузил очки на нос. Карл нервно достал из кармана сигареты. Судья пристально посмотрел на пачку, потом перевел взгляд на Карла. Карл убрал пачку в карман.

Судья тяжело дышал, медленно читая разрешение и время от времени поглядывая на Карла и Анни. Казалось, он решает, кто же из них обвиняемый. Карл дергался от нетерпения, а Анни погрузилась в свои мысли.

«Это не по-настоящему, — подумала она. — Где моя фата? Мое белое платье? Где тихая церковь с солнечным светом, льющим в окна, и звуками органа? И мама, которая плачет, но в то же время гордится мною?»

Карл больше не мог вынести ожидания. Он поднес к глазам запястье, чтобы взглянуть на часы. Судья перестал читать разрешение и пристально посмотрел на Карла. Карл выразительно потряс часами и поднес их к уху. Судья долго смотрел на него, прежде чем вернуться к разрешению на брак.

«Бог должен знать, — думала Анни, — что я сделала все, что в моих силах, чтобы выйти замуж как полагается. Я хотела, чтобы это произошло в церкви, где были бы мама, и мои маленькие братья, и соседи, и Арлин в качестве подружки невесты. Я сказала маме...»

— Мама, в следующую среду мне будет восемнадцать.

— Как летит время!

— Мы с Карлом хотим пожениться.

— Не говори глупости. Ты еще ребенок.

— Я перестала быть ребенком в четырнадцать, когда начала работать.

— Неважно. Все равно ты еще ребенок.

— Я хочу венчаться в церкви. И чтобы там была ты, мама.

— Выброси эту идею из головы. Ты не выйдешь замуж ни в церкви, ни где бы то ни было еще.

— Мама, пожалуйста, не заставляй меня выходить замуж тайком, в городской ратуше.

— Ты несешь чушь. Ты не видела этого мальчика больше года.

— Он был здесь все лето.

— И ты с ним встречалась?

— Да.

— Не сказав своей матери?

— Я боялась, что ты скажешь Дэнну.

— Послушай, Анни, тебе кажется, что ты хочешь выйти замуж за Карла. Но ты еще слишком молода, чтобы твердо знать, чего хочешь. Карл не для тебя. В один прекрасный день появится подходящий мужчина, и ты будешь рада, что подождала.

— Я не могу ждать, мама. Я *должна* выйти замуж.

— Должна? Ты сказала «*должна*»?

— Это не то, что ты думаешь, мама.

— Скажи мне, что именно я думаю. Скажи.

— Ты больно сжала мне руку, мама.

— Говори!

- Тебе лучше не знать.
- Когда у тебя были последние месячные?
- Не говори гадости, мама!
- Не указывай мне, что я должна говорить, ты... шлюха!
- Мама, если ты скажешь это еще раз...
- Шлюха!
- Ты зашла слишком далеко, мама.
- Как ты смеешь поднимать на меня руку! Как подумаю... как подумаю, сколько я страдала, рожая тебя! Скольким пожертвовала ради тебя...
- Не плачь, мама. Пожалуйста, не плачь.
- И это вся твоя благодарность! Если бы твой отец слышал, как ты со мной разговариваешь...
- Мой отец умер.
- Дэн твой отец. Он тебе больше отец, чем был твой собственный. Как ты думаешь, почему я вышла за Дэна? За человека, который на двадцать лет старше меня? Я не любила его. Уважала — да. Но не любила.
- Почему же ты вышла без любви, мама?
- Чтобы у моих детей был отец. Человек, который позаботится о том, чтобы у них был хороший дом, вдоволь еды, приличная одежда...
- Но, мама, насчет Дэна...
- Что насчет Дэна?
- Ничего.
- Что, Анни? Я знаю, ты его не любишь. Почему?
- Мне не нравится, как он смотрит на меня. И целует перед сном, когда я в постели.
- Он целует перед сном всех детей.
- Но я не ребенок.
- Для него ты малышка.
- Я женщина.
- Только не для него. Он любит тебя так же, как твоих маленьких братьев. У него никогда не было собственных детей. Он такой хороший человек... Ну-ну, Анни, не плачь. Не плачь...

Карл сжал ее руку и прошептал:

— Перестань грезить наяву, любимая.

Анни резко очнулась. Она услышала, как священник спрашивает Карла, зовут ли его Карл Браун, и Карл отвечает утвердительно.

— Ваш возраст?

— Двадцать.

— А вы, юная леди, Анни Макгэйри?

— Да, сэр.

— *Ваш* возраст?

— Восемнадцать.

— И как давно вам исполнилось восемнадцать?

— В прошлую среду.

— У вас есть свидетельство о рождении?

— Нет, сэр. Но...

Судья сложил разрешение и подтолкнул его к Карлу:

— Приходи сюда снова, сынок, когда она вырастет.

— В разрешении указан правильный возраст этой юной леди, сэр. — Карл отправил разрешение обратно.

— Вот как? Может быть, вам удалось одурачить клерка, который выдал его, — сказал судья. — Но только не меня! Нет, сэр! Меня вам не удастся провести. Молодой леди не больше четырнадцати, и тут вам не Теннесси. В нашем штате законы запрещают браки несовершеннолетних. — Он толкнул разрешение в сторону Карла.

Анни, которая копалась в своей туго набитой сумке, вытащила лист бумаги и передала Карлу. Это было ее свидетельство о крещении. Карл предположил, что мать Анни не дала ей свидетельство о рождении, и тогда она получила свидетельство о крещении у своего священника. Положив его на разрешение, он в свою очередь толкнул все это через конторку.

Как раз в эту минуту вошла служащая, за которой следовала мисс Ви. Мисс Ви была маленькой вертлявой женщиной средних лет. Она встала на цыпочки, чтобы через плечо служащих посмотреть на молодую пару. Поймав взгляд Анни,